

попаданец

Владимир Зингер
Евгений Шалашов

УБЕЙ-ГОРОДОК
ДОЛГОЖДАННАЯ КРАЖА

Попаданец (АСТ)

Евгений Шалашов

**Убей-городок.
Долгожданная кража**

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Шалашов Е. В.

Убий-городок. Долгожданная кража / Е. В. Шалашов —
«Издательство АСТ», 2026 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-179991-5

Неизбежное предназначение каждого «попаданца» — изменить реальность, уж если не глобально, то хотя бы вокруг себя. Потому что иначе — зачем всё это? Зачем тебе «послезнание», если ты им не собираешься пользоваться? Казалось бы, всё так. Однако... Лейтенант милиции Алексей Воронцов продолжает пребывать в 1977 году. Он уже вполне адаптировался к окружающей его действительности и понимает, что мир и без его усилий достаточно изменчив и не в полной мере копирует ранее прожитую им жизнь. Сейчас перед ним стоит «задача наоборот» — сохранить в неизменности некое весьма важное для него событие с далеко идущими последствиями. А коварный мир, как назло, предлагает ему непредвиденные обстоятельства, одно за другим.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-179991-5

© Шалашов Е. В., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Зингер, Евгений Шалашов
Убей-городок. Долгожданная кража
Роман

* * *

© Владимир Зингер, 2026

© Евгений Шалашов, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Вместо предисловия Каждому – по заслугам его

И тогда я не сдержался. Нельзя сказать, что это была пощёчина, вполне оправданная в данном случае. Это была оплеуха. Хорошая деревенская оплеуха с заявкой как минимум на фингал под глазом. Пока голова следователя дребезжала между моей ладонью и косяком, я уже пожалел о содеянном. Погорячился, пожалуй. Это ещё как посмотреть? Можно и так, что ничего такого, заслуживающего наказания действием, Утягин и не совершил. И тогда я не защитник оскорблённой чести (фу, какой пафос!), пусть и не своей, а просто грубиян и забияка. Да ещё можно и в ответку получить.

Я приготовился ждать, но на ответку у Утягина не хватило пороку. Вместо этого он прикрыл ладонями свои бедные уши и тоненько запричитал:

– Ну всё, Воронцов, тебе кранты! Вылетишь теперь отсюда, как пробка из затычки!

Пробка из затычки – это что-то новенькое! Видимо, от знакомства с косяком у моего оппонента наступило временное обрушение когнитивных связей. А Утягин продолжал в том же духе:

– Это тебе даром не пройдёт! Все видели, как ты меня! Вот ты, ты видел?

Я проследил за взглядом следователя и увидел в конце пустынного коридора Женьку Митрофанова, сыщика и моего лучшего друга. Да, неудачный свидетель для Утягина подвернулся. Женька стоял с обалдевшим видом, но, услышав обращение в свой адрес, подошёл вплотную к мученику и внятно произнёс:

– Заруби себе на носу: меня здесь нет. Это тебе кажется от помутнения рассудка. И Воронцова нет. Верно ведь, Воронцов?

От неожиданности я согласно кивнул. И пока следак с обалдевшим видом переваривал услышанное, Джексон мягко, но настойчиво увлёк меня прочь, от греха подальше, так сказать. За поворотом коридора он освободил меня от своего дружеского, но плотного захвата и протянул свою пятерню:

– Не спрашиваю за что, но уважаю. Молоток! Эта харя давно кирпича просила, да смельчаков не находилось. Так что держись. Я с тобой! Потом расскажешь.

И Джексон умчался по своим делам. А я отправился по своим, теребя в голове известное изречение о том, что лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть.

Однако историю эту надо начинать с более ранних событий.

Глава 1

Ностальгия по будущему. И не только

– Красавчик яхонтовый, счастливец бриллиантовый, не торопись, не уходи от счастья своего!

Ко мне с фланга по улице Горького приближались четыре цыганки: две постарше, две совсем молоденькие. У тех, что постарше, широкими цветастыми шальями были примотаны к огромным бесформенным грудям младенцы. Те, что помоложе, оказались стройны в талиях и очень даже красивы. Но вот влюбляться в них я бы не торопился – достаточно посмотреть на их товарок, чтобы понять, какими они станут в скором времени.

Цыганки, непрерывно и все разом галдя, привычным манером окружили меня, чтобы отрезать пути к отступлению. Всё ясно – молодых девчонок вывели на стажировку. Ужасно не люблю, когда за спиной кто-то стоит – базовое правило безопасности, отработанное годами и ножевым ранением, полученным два года назад. Поэтому пришлось сманеврировать, чтобы шумные собеседницы всем скопом оказались перед моим фасадом.

Одна молодуха начала свою песню:

– Молодой, интересный, давай я тебе погадаю! Всю правду скажу. Научу, как от зла избавиться. Что впереди ждёт, покажу. Давай руку свою...

Мне стало интересно, что может рассказать цыганка человеку, знающему своё будущее. Я протянул руку.

– О-о-о! Алмазный мой, сколько тут у тебя всего! Только чёрный туман мешает. Позолоти ручку, всё сразу скажу!

– Золота нет, есть железо, – я вытащил из-за пояса наручники и покачал их на пальце. – Браслеты для молодой девушки получатся замечательные! Да я и сам могу предсказать вам ваше ближайшее будущее: ждёт вас, красавицы, жёлтая телега на резиновом ходу и казённый дом!

Только цыганки оказались не из пугливых. Понимали, что для милиции возни с ними будет больше, чем пользы. Точнее, пользы – никакой. Поэтому они только загалдели громче. А я с ними связываться и не собирался, своих дел полно. Да я пока ещё и своей цели не добился – узнать цыганскую версию моего будущего. А вдруг?

После того, как мы уравнили шансы – они мне гадают бесплатно, я их не тащу в кутузку, – я снова протянул цыганке свою руку.

– Ну, смуглявая ты моя, давай, таракти мне про моё будущее!

Но удивительное дело – цыганка вдруг стушевалась. Увидела что-нибудь необычное в моих линиях жизни или не умеет гадать «за так»? Ей на выручку тут же пришла старшая товарка. Она перестала лузгать семечки и перехватила управление процессом.

– Давай, черноголовый, свою руку мне. Не бойся, больно не будет.

Она достаточно долго и пристально всматривалась в мою ладонь, поворачивая её и так, и этак.

– Вижу, вижу всё про тебя. Ты парень сильный: и с рублём хозяин, и без рубля хозяин. Но томит тебя забота тайная, про которую тебе и сказать некому. Позолоти ручку, сахарный мой, сразу увижу, чем спастись можешь!

Я звякнул наручниками. Цыганка весело стрельнула на меня глазами, дескать, ладно уж, погорячилась.

– А ещё вижу, – продолжила она, погасив озорство во взгляде. – Вижу перемены, которых ты не ждёшь. Вот ты думаешь, что всё наперёд знаешь, а получишь два удара от людей, тебе известных.

Цыганка замолчала. Потом неожиданно выдала:

– Ну не могу я так! Дай хоть копейку, служивый, а то эту, как её, квалификацию потеряю.

Я достал из кармана какую-то мелочь и протянул цыганке. «Ну и нагадала, – подумал. – Обычный цыганский трёп, на все случаи жизни: заботы тайные, перемены, удары. Вот только „без рубля хозяин“ – это про что она?»

Цыганка тем временем спрятала деньги где-то в своих необъятных юбках, поправила положение ребёнка на груди и произнесла:

– Вот думала, черноголовый, с самого начала, говорить тебе или нет. Скажу всё-таки – будет на твоём пути вскорости казённый дом. Уж как там чего, не знаю, но будет. Видела. И не спрашивай ничего больше. Не скажу.

А я и не собирался ничего спрашивать. Смотрел вслед уходящим цыганкам и думал, что в одном гадалка права – перемены будут. Они всегда бывают, хочешь ли ты их или нет, знаешь о них или не знаешь.

Сентябрь семьдесят седьмого года подарил нам изумительное бабье лето и нового начальника райотдела. Вот вам и перемена. Прежний шеф, отец наш родной Николай Павлович, как-то быстро и незаметно отправился делать горизонтальную карьеру – возглавил следственный отдел в городском управлении.

Мои воспоминания о будущем ничего особо плохого про нового начальника не содержали, хотя знал я о нём даже больше, чем он сам. Например, когда и как он умрёт. Вот, если в новой реальности он будет меня обижать, подумал я, возьму, да и расскажу ему про его кончину. Он, конечно, не поверит, закоренелый материалист и марксист-ленинист, и даже посмеётся мне в глаза, но порой ночами будет просыпаться в холодном поту и терзаться мыслями о моих пророчествах, от которых его подсознание никак не захочет освободиться.

Алексей Максимович Большаков прибыл к нам из глухой провинции за подполковником. И не только. Череповец – это вам цивилизация, а не какая-нибудь тусклая окраина Вологодской области. Тем более квартиру сразу дают, да ещё в приличном месте. Первым делом он сразил подчинённых тремя академическими ромбиками на майорском мундире: рядом с синим поплавком какого-то гражданского вуза красовался бордовый знак с огромным гербом СССР от Высшей школы милиции, а замыкал это великолепие ромбик побольше, опять же с гербом на верхнем его острие и двумя бородатыми профилями в центре. Для верности, чтобы уж никто не сомневался, чьи же это профили, ниже располагались буквы: УМЛ – университет марксизма-ленинизма.

Средь сотрудников сразу же пошёл гулять старый анекдот: «Что ж ты, милоч, совсем тупой, если тебя в одном институте сразу научить не смогли?» Возможность второго высшего образования в те времена никто даже в голове не держал, а тут – целых три! Правда, если уж совсем честно, тот самый УМЛ официального высшего образования и не давал, но нагрудный знак, очень похожий на настоящий академический ромбик, его выпускникам вручался с большой pompой.

Но анекдоты анекдотами, а Алексей Максимович быстро доказал, что эти инсинуации не про него. Мужик оказался толковый и весьма эрудированный. Потихоньку мы разузнали, что до милиции он работал в газете там же, в районе, и даже был главным редактором, а потом по партийной путёвке оказался брошен на укрепление милицейских рядов, где быстро и решительно преуспел. К Череповцу он тоже достаточно успешно адаптировался. Не мог только изжить одну мелочь – называть себя начальником милиции. Дело в том, что на прежнем месте службы такое самоназвание было вполне оправдано – начальник райотдела и был главным милиционером района, а вот в Череповце с его разветвлённой структурой подразделений он оказался всего лишь одним из многих руководителей, хотя и весьма важным. Сотрудники посмеивались потихоньку между собой: «Наш-то пострел уже на главу УВД метит, не иначе!»

И вот в этом месте какой-то чёртик сподобил меня взяться помогать неопытному шефу уберечься от конфуза. Надо было тут же вспомнить мудрую мысль про то, куда ведут благие намерения. Не вспомнил, альтруист несчастный! И наши отношения перешли в состояние недружественных.

А началось всё так. После оперативки, на которой Алексей Максимович в очередной раз провозгласил себя начальником милиции, вызвав тем самым переглядки и хитренькие усмешки сотрудников, я попросил разрешения остаться.

– Извините, Алексей Максимыч, тут дело такое... Я вижу, что сотрудники посмеиваются... Да и начальнику управления может не понравиться, что вы себя начальником милиции называете...

Зачем я полез в эту кашу? Сложно объяснить. Наверное, потому, что испытывал некое двоякое чувство: с одной стороны, передо мной, юным лейтенантом, находился руководитель, к которому не подобает лезть с пикантными советами. С другой – я прожил и повидал в первой своей жизни столько, что не грех и уберечь ещё не в полной мере освоившегося с новой обстановкой человека от неоправданных шагов. А этот Алексей Максимович возрастом моего старшего сына. Такая вот загогулина получается. Так почему бы и не помочь?

Но на практике всё пошло по-другому, и благодарности за помощь я не снискал. Начальник посмотрел на меня сурово и испытующе:

– Любите дёргать тигра за усы, молодой человек? Ну-ну. Как же, поглумиться над новым начальником, который априори хуже старого – святое дело! Так ведь? А над чем глумиться, умишка не хватило найти. Вот и вытащили какую-то фигню (здесь Большаков употребил совсем другое слово).

Он откинулся на спинку кресла и строго спросил:

– Сам придумал или друзья подучили? Стыдно, товарищ лейтенант, как вас там, Воронцов что ли?

Глупо всё вышло. Большаков дальше слушать меня не стал и выпроводил за дверь. «Так тебе и надо, – сказал я себе. – Альтруист благоглупый!» Я ещё в тот момент не знал, что история эта получит совершенно неожиданное развитие, и Большаков окончательно запишет меня в деструктивные элементы.

Через пару дней меня вызвонил дежурный:

– Воронцов, хорошо, что ты на месте! Бегом к начальнику! Чего ты там такого натворил? Шеф из управления прибыл и даже обстановкой интересоваться не стал. Походя бросил, что тебя к нему, а сам зелёный весь!

Когда я вошёл в кабинет, Большаков был совсем не зелёный, а очень даже обычный. Вот только тон его, демонстративно вежливый, не предвещал ничего хорошего.

– Ябедничать изволим? – начал он безо всяких преамбул. – Субординацию нарушаем? Смуту в коллектив вносим?

Вот это разворот! Всё перечисленное, как я понимал себя в этом мире, могло относиться ко мне в последнюю очередь. И мой недоумённый вид должен был продемонстрировать шефу, что он в данный момент совершает чудовищную ошибку, за которую потом будет стыдно, но не тут-то было! Что-то там произошло, крайне неприятное для него и непонятное пока для меня, и было похоже, что всю дорогу от управления Большаков рисовал в уме картинку моего растоптания и уничтожения в надежде получить от этого процесса хоть какое-то облегчение на душе. Иначе с чего бы такой неожиданный заход на этот разговор?

А шеф тем временем продолжил свои невнятные обличения:

– И не стройте из себя невинного агнца! Обсуждать, понимаете ли, своего начальника за его спиной, да ещё с товарищами из управления, – это последнее дело, Воронцов! Кому ещё успели свои гнусные мысли нашептать?

Я молчал. Оправдывающийся – виноват. Эту простую истину я усвоил уже очень давно. Надеялся только, что по-прежнему удавалось сохранить недоумение на своей физиономии. Однако Большакову и не требовалось никаких моих слов. Дальше он уличил меня в признании собственной вины, поскольку я молчал, значит, сказать в своё оправдание мне было нечего. Вот так. Хоть молчи, хоть не молчи, всё одно, если начальник решил тебя назначить на роль виноватого.

Я прикинул, а сам-то я в другие времена поступал вот так же со своими подчинёнными? Назначал виноватым без особых разбирательств? Подходящего ответа сразу не нашлось, да и место, и время были неподходящими для таких раздумий, а тут и Алексей Максимович, похоже, подходил к завершению выволочки:

– Мне всё понятно. Очень жаль, Воронцов, что наши отношения перешли в такую фазу. А мне вас характеризовали как дельного сотрудника. Что ж, тем хуже. Теперь уж я буду внимательно следить за вашей работой. Идите пока!

Самым многообещающим было это «пока». Я вознамерился было всё-таки выяснить, о чём вообще речь идёт, но Большаков жестом пресёк мои поползновения. Что ж, когда начальство требует выйти, приходится подчиниться, а не задавать глупые вопросы типа «почему». Начальник, он и в Африке начальник (кстати, почему именно «в Африке», а не в Австралии, например, кто знает?)

Тайна поведения Алексея Максимовича приоткрылась для меня на следующий день. Оказалось, что вчера на совещании в УВД наш шеф при докладе опять допустил свой промах: «Я, как начальник милиции...», на что получил сдержанно-саркастическое замечание от секретаря парткома, что он пока ещё совсем не тот, кем себя величает, и неизвестно, будет ли. И что сейчас ему надо держать ответ исключительно со своих позиций. И будто бы при этом начальник управления благосклонно кивал головой в ответ на слова партийного вожака.

Удивительное дело, никто из прояснявших для меня возникшее недоразумение на том совещании не был, но рассказывали всё в красках и подробностях. И что в протокол совещания этот пассаж было велено не записывать, но инструктор Зотов всё равно записал. Короче говоря, шеф «потерял лицо» на виду многих присутствующих коллег, а утрата хладнокровия привела его к умозаключению о том, что это я его «застучал» в парткоме.

* * *

Сегодня мне на работу с шестнадцати часов – на поддежурство – и до часу ночи. Ну, до часу, это так, условный предел. На самом деле работать придётся столько, сколько потребует обстановка. А она, зараза, самое интересное припасает как раз к полуночи. Из вредности, не иначе.

Поэтому я перед дежурством запасливо решил отоспаться впрок – а вдруг получится? Тому была и ещё одна причина – с утра меня одолевала какая-то подозрительная хандра, чего со мной обычно не случается. А лучшее средство от всяких там хандрей (или хандров, не филолог, не знаю), как известно – это глубокий и здоровый сон. Однако на этот раз сон меня презрительно игнорировал. Я упорно не сдавался, жмурил глаза и натягивал на голову одеяло в надежде укрыться от внешнего мира. В конце концов мир оказался сильнее, и пришлось вставать. Я бесцельно бродил по своим апартаментам в трусах и даже пробовал заняться йогой, безуспешно пытаюсь справиться с хандрой, но эта тварь сегодня оказалась сильнее меня. Если совсем по-честному, то я прекрасно понимал причину такой напасти, но упрямо продолжал заталкивать её в глубину своей памяти, делать вид, что ничего выбивающего меня из колеи не существует, и вообще всё замечательно, но...

Сегодня был день рождения Данилы, моего младшего сына. Сколько же ему? Хороший вопрос! Когда меня вышвырнуло в прошлое, ему было... так, ему было тридцать шесть, да,

тридцать шесть. Ого, старше меня нынешнего! Как же я по ним всем скучаю... Мальчишки, Нина, как вы там? Небось, на даче. Шашлыки, баня, а то и речка после парилки – такая уж традиция давно сложилась на этот день. Данилкина Люсечка мой любимый салат соорудила. Вездесущий Сергей Васильевич, наш сосед, с утра пораньше корзину грибов тайком на крыльцо притащил. И ведь ни за что не признается, что это он, хотя корзинка-то сразу видно чья. Будет хитро поглядывать да на местного лешего всё валить. Но чарочку за общим столом примет с достоинством и посидит «за компанию», а то и бывальщину какую расскажет.

Интересно, где там – в той жизни – я? Лежу, наверное, в дальней комнате коматозный, овощ овощем. Мозгов-то нет, здесь они, со мной оказались. Меня с ложечки кормят да памперсы меняют, привычно поругивая, когда много «вторичного продукта» выдам. Надоел всем, уж помирал бы скорей, что ли.

А может, и не так всё? Может, и я там в беседке вместе с ними со всеми. Посиживаю, как ни в чём не бывало, в любимом шезлонге да щурюсь от яркого солнышка. Или Люсечкин салат трескаю. А то – в бане на полке, и тот же Данила, ох, и любитель попариться, обихаживает меня берёзовым веничком вперемешку с можжевельным. Хорошо! И никакие метаморфозы с путешествиями во времени мои думы не тревожат. Тогдашнее ножевое ранение оказалось не таким уж опасным, хотя и напугало домочадцев изрядно... Стоп! А я здешний, вот этот самый я, тогда кто?

А ты – химера, отвечаю сам себе. Химера, рождённая твоим же испуганным мозгом в момент ранения там, в двадцать первом веке, и застрявшая где-то на задворках сознания так глубоко, что на поверхность уже никогда не всплывёт. И это значит, что тебя просто нет.

Думать так сильно не хочется. Я подхожу к старенькому зеркалу с лишаями отставшей амальгамы и пристально рассматриваю себя. Я – есть! Вот он я, побриться бы не мешало, живой и, что самое главное, в зеркале отражаюсь. Никакой не призрак, значит.

Чтобы окончательно прогнать дурные мысли каким-нибудь полезным делом, и впрямь решаю побриться. Для этого надо совершить массу разнообразных действий, и это – хорошо. Отвлекает. Иду на кухню и убеждаюсь, что горячей воды в кране нет, значит придётся ставить чайник. Вдобавок кто-то спёр помазок из моего настенного шкафчика. Взамен в стаканчик воткнута старая зубная щётка, неизвестно кому принадлежащая. Шутники, блин. У меня рождается подозрение, что этой щёткой последний раз чистили совсем даже не зубы, а то, для чего такие приспособления бывают нужны в армии. Но нас этим не возьмёшь. Выбрасываю бывшую зубную щётку в мусорное ведро, преодолевая сиюминутный соблазн поставить её в шкафчик соседу. Скорей всего это он умыкнул помазок, только вот доказательств у меня нет. Вода согрелась, делаю себе горячий компресс и долго кручу в руках скользкий обмылок с намёком на земляничный аромат, чтобы появилось некоторое подобие пены, после чего переносу её себе на щёки. Заранее морщась от прикосновения к коже лезвия «Нева», которое, кажется, и рождено на свет было сразу тупым, ностальгирую по «Жилету» и «Шику». Получается совсем уж непатриотично, и мне становится стыдно, правда только самую чуточку.

А ещё вспоминаю, как отец брился опасной бритвой «Золинген», как правил её на кожаном ремне, как дорожил ею, чтобы не потерять или не испортить, и никому из сельчан не давал попользоваться, хотя просьбы такие возникали. Это был единственный трофей, который он привёз с войны и очень им дорожил. И то! Такой бритвы не было ни у кого в округе. Да что я! Он ведь и до сих пор ею пользуется.

Снятие излишней растительности с лица закончено. Возвращаюсь в комнату и достаю с книжной полки неизвестно кому принадлежавший учебник, на обложке которого написано: «Сопrotивление материалов. Кинасошвили Р.С. Москва. Гостехиздат. 1957 год». Восхищаюсь в очередной раз, как долго этой книге удалось прожить в экстремальных условиях нашей общаги и не сгинуть. Впрочем, при столь отпугивающем названии это может быть и неуди-

вительно. Открываю обложку и (какой пассаж!) достаю из внутренней ниши драгоценность – флакон «Шипра».

Тайник сделан не мной. У меня бы рука не поднялась на такое кощунство. Книга мне досталась в уже «кастрированном» виде в качестве приданого к комнате. Кто знает, может быть, ею пользовался какой-нибудь шпион, проживавший здесь инкогнито в наивной надежде выяснить у непонятных русских тайну оружия со странным названием «Ёрш», которое, по утверждению специалистов, валит с ног лучше пулемёта? Возвращаясь из своих трудных поисков, он прятал в недрах «Сопромата» свой чёрный пистолет и даже не запирает дверь комнаты на ключ – тайну схрона никто не был в состоянии постичь.

Был ли шпион, не было ли – кто знает? Может, и был, и тайну «ерша» познал, и сам пал его жертвой, а потому не стал возвращаться на свою шпионскую родину, сдал пистолет на переработку во «Вторчермет» за двадцать копеек и работает сейчас дворником в надежде получить отдельное служебное жильё. А в недрах полезной книги я держу теперь дефицитный одеколон.

Щедро лью в пригоршню изумрудную жидкость (до колпачков-распылителей ещё не додумались) и почти умываюсь ею, слегка приплясывая от мучительного удовольствия. Дух у «Шипра» густой, тяжёлый. В воздухе сразу повисает (как там у Булгакова?) запах парикмахерской. Конечно, всё наоборот: это не одеколон пахнет парикмахерской, а парикмахерская – одеколоном. И ещё похожим образом пахнут магазины, в которых на стенах при входе висят блистающие зеркалами короба на манер фибровых чемоданов. Бросишь в специальную прорезь «пятнашку», и тебя обдаст облаком одеколонной пыли из развальцованной трубочки вверху этого чудо-ящика. Только успевай крутить башкой, чтобы максимально употребить на себя отмеренную порцию благоухания. А потом ходи по магазину, источая флюиды аромата и собственной важности.

В своём будущем я часто вспоминал «Шипр» и мне почему-то казалось, что это лучший одеколон в мире. И ещё «Красная Москва». Я пробовал заказывать на «Озоне» эти обонятельные признаки старой эпохи, но сразу понял, что, кроме названия, от прошлого в них не осталось ничего. И вот теперь, имея возможность использовать, так сказать, оригинальный продукт, я вынужден признать, что и он далёк от того идеала, каким представлялся мне в своих воспоминаниях. Пожалуй, мечтание о недостижимом милее, чем сам объект мечтаний, и прав Фазиль Искандер со своим «праздником ожидания праздника».

Ёмко сказано. Можно считать законченным произведением. Почти как у Хемингуэя с его «Продаются детские ботиночки, неношеные». Самый короткий рассказ. Правда, говорят, что это и не старина Хэм придумал, но это ведь и не важно. Кто-то же слова эти произнёс в первый раз. И поразил своей глубиной и трагизмом. Никому ничего не требовалось дополнительно объяснять. И так всё понятно. А вот для многих людей из моего будущего заложенный в этих простых словах смысл оказался недостижимым. До сих пор помню некоторые комментарии на полях Интернета, типа: «Аффтор, ты про што?»

Однако! Она куда меня унесло от одеколону «Шипр»! Хотя кому какое дело? Мысли мои: что хочу, то с ними и делаю. Зато хандру как рукой сняло. А это значит, что на сегодняшнем дежурстве я буду бодр и весел. Злодеи всех мастей, готовьтесь! Недолго вам осталось пребывать в безнаказанности. Я уже иду. Кто не спрятался – я не виноват.

Глава 2

Как поймать маньяка?

Ужасных происшествий дежурство не принесло, но зато оказалось под завязку наполненным разными многохлопотными мелочами, совсем как толстые мешки с семечками у бабуль на базаре. По этой причине работу удалось закончить только после трёх часов ночи, а утром снова на службу, поскольку отгулов за поддежурку не полагается. Так что следующим утром я сидел в кабинете, изо всех сил тараща глаза и мечтая забыться сном минуток эдак на двести, хотя бы вот тут, прямо на этом столе, чтобы с обеда быть опять бодрым и готовым к труду и обороне. Я уже сладостно представлял, как вытащу сейчас из шкафа обобществлённую шинель ещё старого образца, синего сукна и без знаков различия, брошу её на стулья, а дальше – хоть трава не расти.

Про эту шинель стоит рассказать особо. Принадлежала она будто бы какому-то давнему участковому по фамилии Нежильцов. Никто этого участкового в глаза не видывал, но двадцатого числа каждого месяца в зарплатной ведомости неизменно появлялась его подпись, а из общей денежной массы тут же улетучивалась некоторая сумма. И никто объяснить данный феномен не был в состоянии. Так бы оно, наверное, всё и продолжалось, но тут пошли разговоры о скорой ревизии, и что бы вы думали? В очередное двадцатое число подпись Нежильцова в ведомости не появилась, и деньги все на месте оказались. Да и как иначе, если даже графа про него из ведомости исчезла. Тем всё и закончилось. Только молва милицейская гласит, что поутру двадцать первого числа, на следующий день то есть, перед кассовым окошечком обнаружили эту вот шинель, на подкладке которой хлоркой оказалась вытравлена фамилия – Нежильцов. И больше ничего. Вот такие дела. И где тут байки милицейские, где правда, как знать?

А осиротевшая без хозяина шинель с тех пор пошла по рукам и поныне скитается между дежурными сыщиками, играя роль переходящей спальной принадлежности. Да ещё одна особенность завелась. Обнаружится если какая бесхозная вещь в чьём-нибудь кабинете, да хоть бы и бутылка из-под водки в шкафу с учётными делами, и грозный начальственный вопрос последует: «Чьё добро?» – обязательно жители кабинета после некоторой заминки скажут:

– Так Нежильцова, чьё же ещё!

И посмотрят на вопрошающего невинными глазами предельной чистоты.

Я уже вытащил означенную шинель и прикидывал, как бы её половчее пристроить под свои нужды, когда в кабинет закатился мой экс-наставник Серёга Титанов и казённым голосом громко объявил:

– На улице Мира глухая сто семнадцатая, и начальник розыска желает тебя срочно лицезреть.

Я уж и подзабыл, когда это дядю Колю называли так официально за пределами совещаний и других казённых мероприятий, поэтому не смог скрыть удивления.

– Да-да! – повторил Титан. – Сто семнадцатая. Это вам не петух начихал. Так что вперёд, мой юный друг!

Потом уже совсем человеческим голосом добавил:

– Не люблю изнасилований. Если злодей не пойман – это тебе глухарь. Пока найдёшь этого сластолюбца, ноги, сам понимаешь, до какого места стопчешь. А как найдёшь, тут сразу и нате вам – жертва уже заявление назад тянет и на милицию сердится. Дескать, ну что вы к человеку привязались, не так всё было, погорячилась я. Нашли моего обидчика – и спасибочки, и будет с вас. Дальше я уж сама с ним как-нибудь разберусь!

Я был солидарен с Титаном и даже мог бы добавить по этому поводу кое-что от себя. Только в другой раз. Сейчас – срочно к шефу.

В коридоре возле кабинета Николая Ивановича заметил девушку. Наверное, та самая. Сидит на стульчике, юбочка коротковатая, а колени ничего, круглые, не торчат острыми углами, капрон не рвут. Мне как раз именно такие нравятся. Можно какую-нибудь погрешность на мордашке простить, но колени – чтобы обязательно круглые. Впрочем, к данному моменту и данной девушке мои рассуждения не относятся никак. Я весь в работе, даже сонливость пропала.

Николай Иванович при моём входе в кабинет отвлёкся от бумаги, которую читал, и перевернул её тыльной стороной кверху. Обычный, отработанный долгой практикой жест любого оперативного работника. Даже если там никаких секретов нет, всё равно лучше перевернуть, а уж если секреты имеются, тогда тем более. И никто из коллег не посчитает такое действие за недоверие к себе, и никому в голову не придёт начать канючить: ну-ка, ну-ка, покажи, чего это такое интересненькое ты там от меня прячешь.

– Вот, стоит на своём! – сокрушённо начал он. – Хочу, дескать, заявить в милицию о том, что меня изнасиловал этот урод. А кто этот урод – не знает. Я ей все неблагоприятные для неё же последствия такого шага объяснил уже раз семь, наверное. И что огласка неизбежно возникнет, как ни таи. Жалеть-то не все бросятся. Обязательно найдётся кто-нибудь, кто скажет: сама, мол, виновата: вон юбочка-то какая, заходи без стука, кому вздумается. Парни липнуть начнут: а чё, кому-то можно, а нам нельзя? Ну и так далее...

Николай Иванович перевёл дух и кивнул на стул – мол, садись.

– Так что готовься, Алексей. Сейчас пока следователь прокуратуры прикатит да все свои формальности выполнит, этого до обеда хватит. А с обеда, если мы с ним вместе её на путь истинный не наставим, тебе предстоит ловля на «живца».

И шеф приступил к введению меня в курс дела:

– Потерпевшей двадцать четыре года, зовут Галиной. Одинокая. Живёт в доме молодыхёв на улице Metallургов. Это который около пятнадцатой школы, знаешь, поди?

Конечно, я знал. В означенном доме молодожёны, безусловно, наличествовали, но отнюдь не преобладали. Замысел городских властей был по-своему хорош: создали крепкую ячейку социалистического общества, над изготовлением ребёнка активно трудитесь, стало быть, вот вам ключи от благоустроенного жилья. То, что это жильё мало чем отличается от общаги, на радостях никого не беспокоило. Всё-таки кухня, душ и отхожее место не на целый этаж, а всего для каких-то шести или восьми семей. Только вот по какой-то иронии судьбы наполнился этот дом в значительной степени не счастливыми молодожёнами, а совсем даже наоборот – разведёнками с детьми да матерями-одиночками. Как туда затесалась наша Галина, трудно даже предположить, да и не до того сейчас.

Дальнейшая история выглядела так. Дело было вчера вечером. Насильник подкараулил жертву около восьмой фэээухи (в переводе на обычный язык – профессионально-техническое училище), когда там все учёбы уже закончились. Под угрозой ножа он увлёк девушку глубоко в кусты и там совершил своё гнусное дело. Телесных повреждений нет, она не сопротивлялась, боялась ножа. Бельё не порвано, только одежда испачкана. Не кричала, на помощь не звала, опять-таки боялась. После всего этого злодей проводил её до дома, дорогой всё выпросил: где живёт, с кем, где работает и всё такое. А она, как дура, всё ему по-честному рассказала. Волю, говорит, начисто потеряла, не понимала, что делает. Но вот имя своё настоящее почему-то утаила, Катей назвалась.

Про себя обидчик говорил, что зовут Петром, что полюбил её и жениться готов, что давно приглядывал за ней, да всё не решался подойти. В любви признался, но всю дорогу держал её крепко за руку, чтобы не сбежала да на помощь звать не вздумала. Сказал, что придёт следующим вечером проведать. Деньги предлагал.

– И что, взяла? – неожиданно для себя поинтересовался я.

– Так у него с собой и не было. Вот и пообещал назавтра принести.

В это время раздался стук в дверь, и следом, без паузы, в кабинет просочился следователь Утягин. Именно просочился, потому как дверь приоткрыл только на треть, хотя ничто не мешало распахнуть её настежь, и стал тихонько пролезать в образовавшуюся щель. Невзирая на отчётливо демонстрируемую Николаем Ивановичем досаду, Утягин (вот ведь фамилию бог дал!) затараторил:

– Что, Николай Иванович, прокурорские не подтянулись ещё? Вечно их ждать приходится. Так я могу от девицы заявление принять. Свободный я сейчас. А если что, так и допросить в качестве потерпевшей. Потом напишем, что по поручению следователя прокуратуры, так, мол, и так...

Я с удивлением смотрел на происходящее. И когда этот хмырь успел пронюхать про изнасилование? Не иначе в дежурке случайно что-то подслушал. И вот уже тут как тут!

Фамилия у следователя и вправду не дворянская. Правда, злые языки утверждают, что он даже и не Утягин, а Сутягин. Это он специально фамилию сменил, чтобы не так позорно было. И те же языки утверждают, что до своего изменения фамилия ему ещё больше подходила.

Про особое влечение Утягина к происшествиям подобного рода в райотделе знали все. Надо было видеть его в такие минуты: глаза горят нездоровым блеском, а в уголке рта даже капелька слюны блестит. Прямо-таки не в себе человек становится. Вот и сегодня весь его внешний вид говорит, что он уже пришёл в боевое состояние и готов выпытывать у заявительницы всякие подробности деликатного свойства. Ему бы в прокуратуре работать, куда эти дела по подследственности относятся, да только, как говорится, бодливой корове бог рогов не дал. А так, в обычной обстановке, следователь вроде и ничего: свои кражи, грабежи да телесные повреждения расследует исправно. Правда, говорят, что и там у него к женщинам повышенное внимание, особенно к потерпевшим и подозреваемым. И будто бы добивается он от них даже какой-никакой благосклонности. Да уж, с такой-то внешностью где ещё на женское внимание рассчитывать? Не красавец, прямо сказать! Шишковатую башку украшает несимметричная плешь, нос и один глаз на сторону смотрят. Сам кривой, как вопросительный знак. Про таких в народе говорят: «Ничего, что грудь впалая, зато спина колесом». В общем, не повезло мужику с обликом. Вот и старается казённый ресурс использовать.

Николай Иванович, ничего не говоря, со всем своим ярко выраженным недоумением посмотрел на соискателя чужой работы. Я знал, что после такого взгляда начальника розыска люди обычно хорошо понимают всю беспочвенность своих притязаний и стараются тихонько исчезнуть с глаз долой. Но только не Утягин! Этот товарищ и не думал retirроваться. Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, умудряясь продемонстрировать одновременно и покорное подобострастие, и какое-то отчаянное нахальство.

Дядя Коля, видимо, тоже понял, что без слов тут всё равно не обойтись. Обманчиво душевным голосом он как бы в раздумье начал:

– Допросить, говоришь? Заняться, говоришь, нечем? Спасибо, конечно, только это не у тебя ли сроки по арестантскому делу горят, а в бумагах конь не валялся? Не за тебя ли с твоего шефа сегодня на совещании стружку снимали?

Вот от этих слов следователь забеспокоился. Видно было, что аргументы в своё оправдание ищет, а заодно боится, что будоражащая кровь шабашка уплывает из рук. Но сказать ничего не успел, поскольку Николай Иванович продолжил:

– Так что уж лучше ступай по своим делам, пока я Рябинину не позвонил. Он, наверное, не остыл ещё после совещания и твою прыть по достоинству оценит.

После таких слов настаивать на своей помощи Утягин не решился и тихонько отбыл не солоно хлебавши.

– А что за совещание? – поинтересовался я.

– Да не было никакого совещания, – ухмыльнулся дядя Коля. – Это я так. Но попал, как видишь. Чтобы у следака да не было проблем со сроками, ни в жизнь не поверю. А теперь давай ближе к телу, как говорил Ги де Мопассан.

Эта дурацкая присказка про Мопассана в последнее время активно встраивалась к месту и не к месту в наши разговоры, но в данном случае проявилась уж очень двусмысленно. Мы оба почувствовали неловкость от этого и постарались дезавуировать её активной проработкой дальнейших действий по установлению злодея.

* * *

От заявления в милицию Галина не отказалась даже после общения с Варфоломеем Леонтьевичем, старшим прокурорским следователем. Это было гарантированным подтверждением твёрдости её намерений. Варфоломей Леонтьевич, человек уже достаточно преклонного возраста (по крайней мере, на мой взгляд), за бесконечным числом расследованных дел подобного свойства давно уже утратил иллюзии о необходимости деликатного метода ведения допроса. Как правило, это оказывалось полным шоком для потерпевших, а иногда и поводом отказаться от заявления. Дамы в процессе допроса, необходимости отвечать на такие вопросы, которые и с сокровенной подругой не решились бы обсуждать, начинали понимать происшедшее в совершенно новом свете. Не каждой оказывалось под силу следовать этим путём дальше.

Тем не менее в такой тактике следователя были свои резоны. Поделикатничаешь на данном этапе, не задашь коробящий жертву вопрос, пожалеешь её – и, глядишь, упустишь какую-нибудь важную деталь, которая в последующем принесёт тебе кучу хлопот, а то и дело развалит. Оправдывало, пожалуй, Варфоломея Леонтьевича некоторым образом то, что беседу он вёл настолько равнодушным тоном и любую информацию воспринимал настолько без удивления, что можно было представить, что перед тобой и не человек вовсе, и от этого делалось немного легче.

Как бы то ни было, но твёрдость позиции потерпевшей даже вызвала у нас некоторое уважение, несмотря на стопроцентный глухарь, который она нам дарила. Такие немотивированные на первый взгляд преступления перспектив к раскрытию практически не имеют. Идентифицировать человека по ДНК ещё не научились (это я уже понял из текущей жизни), болтать про такие подвиги злодей не будет, тема не та. А если он у жертвы ничего не взял, чтобы потом реализовать, так и вообще труба. Тем не менее делать что-то надо.

План первоочередных действий возник такой: вечером устроить засаду в комнате потерпевшей на случай, если вдруг этот идиот и действительно явится в гости, как обещал. Мы все: и дядя Коля, и я, и привлечённый для этой работы Санька Барыкин – прекрасно понимали, что это, конечно, чушь собачья. Никто никуда не придёт и приходить не собирался. Врал он всё. И врал только для того, чтобы жертва, очухавшись, не побежала сразу в милицию. Сбить её с толку старался, что это и не изнасилование вовсе, а пролог долгих и чистых отношений. Ну, начались не очень комфортно, что тут скажешь, зато впереди – беспредельное счастье. Вдруг сработает?

Придя в себя после допроса прокурорским следователем, Галина и сама вполне здраво рассуждала, что ждать обещанного визита не приходится. Только вот засада всё равно была неизбежна. Представляете, мы неотреагируем, а этот крендель возьмёт, да и придёт? И что тогда?

Вот поэтому мы с Санькой провели этот вечер, отпиваясь чаем в микроскопических апартаментах Галины. Проникнуть на место удалось без соседских глаз и ничем не нашуметь, пробираясь среди многочисленного полезного барахла, не вместившегося в комнаты жильцов. Особо делать было нечего. Комната на четвёртом этаже без балкона, через окно не зайдут. Так

что сиди, отдыхай, жди посещения обычным образом, через дверь, или что хозяйку вызовут через соседней. Оставалось только следить, чтобы наши тени не падали на шторы окна.

Галина поначалу бучилась, как сердитый ёжик, но когда поняла, что вести с ней разговоры о происшедшем милиционеры не будут, оттаяла. Мы пили чай, вполголоса (чтобы не слышали соседи) болтали о пустяках, а всё, что надо, нам было известно из протокола допроса, скрупулёзно оформленного следователем. Я же в конце концов и вовсе закемарил на диванчике, возложив всю ответственность за бдение на Саньку. И никакие происшествия мой сон не потревожили.

На следующий день нам предстояло изменить тактику. Было решено: пусть Галина вечером пройдёт по тому маршруту, где её изловил злоумышленник, прогуляется около своего дома и вообще всячески побудет на виду. Нашей задачей было незаметно сопровождать Галину и задержать злодея, буде таковой объявится. В напарники я опять подтянул Барыкина. Уже в конце дня меня как бы случайно выловил в коридоре Утягин.

– Ну что, ну как вы там? Не поймали никого? – начал он, и было сразу понятно, о каком происшествии идёт речь.

Но я притворился:

– Кого «никого»?

– Ну как же? – удивился Утягин. – По изнасилованию этому. А оно вообще было? Или девке понравилось, и она теперь вот ищет своего кавалера, чтобы это... ну... сам понимаешь...

И гнусный Утягин произвёл жест, известный всем мужикам на свете: похлопал ладонью одной руки по кулаку другой. Тысяча чертей! Так, кажется, говорил ещё не появившийся, наверное, советский кино-д'Артаньян. Ну как может мужик дойти до такого состояния? Он и не спал сегодня, наверное, моделировал картинки всякие. Раз до сих пор отойти не может. Мне стало противно.

– Дурак ты, Утягин, и не лечишься!

Я отодвинул страдальца со своего пути. Вдогонку послышалось что-то невнятное, но я не стал обращать на это внимания.

Глава 3

Уважаемые товарищи потомки...

Если кто-то считает, что сыщик каждый день погружён в погони и перестрелки, так и нет, как говорят у нас в Одессе. Да-да, именно у нас, в нашей огромной и могучей стране, где первому, кто скажет, что Одесса-мама – это зарубежный город, без лишних слов отшлифуют физиономию.

Однако продолжим про каждодневную работу сыщика. Бумаги, совещания, на которых главная оценка твоей работы – это в основном «мало и плохо», беготня из конца в конец города, чтобы выловить кого-то, кто в конечном счёте окажется совсем не полезен для тебя, и т. д., и т. п. – вот что в значительной степени наполняет рабочий день. Волка, как известно, ноги кормят – но это и про нас, сыщиков. Неслучайно порой словечко «набегал» оказывается синонимом вполне приличного слова «раскрыл». Хорошо ещё, что не обязали пока сотрудников милиции платить за проезд в общественном транспорте, хватает удостоверения на случай возникновения контролёров. А то жить бы оказалось не на что.

Вот и сейчас мне требуется срочно набрать всяких справок и объяснений, чтобы разрешить несколько текущих материалов, выбросить которые в урну с самого начала – и ничего плохого не случилось бы. Но «полнота учёта происшествий» – это неусыпная и трогательная забота нашей любимой прокуратуры. Не запиши какую-нибудь хрень в КУП (Книга учёта происшествий), и ты уже нарушитель социалистической законности со всякими неприятными последствиями такого позорного клейма.

Про КУП между своими периодически проскакивает одна незатейливая байка. То позабудется, то снова возродится. В очередной раз это происходит сегодня утром. Под завязку своей смены публику в дежурке развлекает Толя Якуничев. А что? Дежурство позади, чрезмерных тумачков не получено, впереди – заслуженный отдых до следующей смены. Материалы розданы исполнителям, которые ещё не успели разойтись по своим делам. Можно и похохмить маленько.

– На прошлом дежурстве дело было, – вещает Толя неспешно. – В конце дня. БАМ как раз домой собрался.

БАМом у нас прозвали новоиспечённого начальника райотдела. Думаю, понятно, почему. Но мне кажется, не только аббревиатура его ФИО легла в основу этого звонкого прозвища, а ещё и его неуёмная энергия. Он, похоже, знал о своём прозвании, но не обижался. По крайней мере, виду не показывал. Да и на что обижаться, если целый Магомаев поёт на всю страну: «Слышишь, время гудит – БАМ!». Правда, в песне совсем про другой БАМ, но разве это имеет значение в нашем случае?

– Зашёл он в дежурку полистать материалы, что за день накопились, да фитиля вставить на всякий случай, – продолжает Якуничев. – А у меня семейник в дежурке сидит, не в камере, просто на стульчике. Да вы все его знаете, фамилия ещё такая говорящая – Бедовый. Опять бабе фингалов нарисовал, вот и привезли. Ну что, отпускать нельзя – того и гляди рукоприкладство продолжит, а в камеру вроде как не за что. Сами понимаете, дело частного обвинения. Супружница одумается, с утра заявление прибежит забирать, а ко мне сразу вопросы – на каком основании человека в темнице держишь? А оно мне надо?

Толя исторгает из своего могучего организма кубометр вонючего дыма и хитро смотрит на присутствующих, затем продолжает:

– Этому бы мазурику тихонько сидеть, может, и пронесло бы. Так нет ведь, дёрнуло высказаться: забубнил чего-то, да ещё с матерком. А БАМ-то не в духе оказался по каким-то причинам, уж не знаю, по каким. Материал на Бедового глянул, отписал участковому и мне –

«в КУП и в камеру». А сам быстренько так на выход. Ну, мне-то всё понятно: материал зарегистрировать, а дебошира в камеру, хотя бы по мелкому хулиганству. Только Бедовый забеспокоился, очень ему услышанное не понравилось. Стал выяснять: в какой это такой куб его посадят и надолго ли? БАМ на эти его вопросы никак не отреагировал. Так он нам с помощником всю ночь досаждал, орал из камеры:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.